

**ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ – МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?
ОЦЕНКИ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

Филипповская Т.В.

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социологии и психологии
Уральского государственного экономического университета (Россия)

УДК 316.4.57
ББК 60.524.122

В статье рассмотрены теоретические и методологические подходы зарубежных исследователей к сущности общества знания и общества НЕ-знания. Автор говорит о наличии признаков общества знания на всех этапах социальной динамики и о современном состоянии анализа социальных процессов, которые характеризуют общество антагонистического знания.

Ключевые слова: общество знания, общество НЕ-знания, общество антагонистического знания, знание, невежество.

**Filippovskaya T.V.
SOCIETY OF KNOWLEDGE – MYTH OR REALITY?
ESTIMATES OF FOREIGN RESEARCHERS**

The paper considers theoretical and methodological approaches to foreign investigators essentially a knowledge society and knowledge society-not. The author says there is evidence of the knowledge society at all stages of social dynamics and the current state of analysis of social processes that characterize the society of antagonistic knowledge.

Key words: knowledge society, knowledge society-not, society of antagonistic knowledge, knowledge, ignorance.

Дефиниция «общество знания» достаточно стремительно вошла в междисциплинарный научный и публицистический лексикон. С 60-х гг. XX в. в изданиях указываются имена трех авторов нового термина: некоторые считают «первооткрывателем» одного из американских журналистов, другие – Ф. Махлупа. В российских исследованиях последних лет третьим автором термина называется П. Друкер (Peter Ferdinand Drucker) [1; 2].

Считается, что с констатации в 1962 г. Ф. Махлупом (Fritz Machlup) [3] сущности знания как товара, который можно производить, перемещать, продавать и покупать как любой другой продукт, началась эра осмысления знания и способов его «упаковки» в организационных социальных структурах.

Однако, можно отметить, что до сегодняшнего дня сущность термина «общество знания» не только многозначно и, зачастую, противоречиво адаптируется к актуальным фреймам, но может быть рассмотрена как полуполюгитимная. С одной стороны, эта категория как и атмосфера общества, организационный климат даже на уровне околонучного сленга представляется понятной всем: общество знания – общество, основанное на знаниях, и априорно мы уже

живем в его условиях. В связи с этим констатируются рост наукоемких технологий, расширение спектра услуг, связанных с интерпретацией информации, востребованность специалистов в сфере инфраструктуры информационных технологий, инновации в сегментах применения дидактики организационного знания и т.д.

С другой стороны, одновременно указывается, что «каждый день мы расширяем, создаем, защищаем, передаем, систематизируем и сохраняем знания» [4, р. 9]. Но здесь знания – аналог информации, которую можно найти в книгах, на информационных носителях, в СМИ, то есть, – во всех видах продукта в социальных системах. Как видим, даже базисная составляющая термина «общество знания» – собственно знание позиционируется противоречиво, не смотря на декларации дистанцирования знания и информации. Но, самое важное, – до сих пор нет научного описания специфики общества знания во всей полноте социетальных зависимостей. Поэтому нельзя не согласиться с Б. Крейнгс (Bettina Krings), которая считает, что главный вопрос, заданный Т. Адорно на XVI социологическом конгрессе в 1968 г., не теряет своей актуальности. Ученый тогда спрашивал:

в каком же обществе мы живем – в индустриальном или постиндустриальном? [4, p.9].

Действительно, с одной стороны, в рамках информационного общества как этапа постиндустриального общественного развития, параметры социальной динамики предопределены и зависят только от инноватики в технологии и качества научного знания. С другой стороны, в рамках постмодернистского общества, как того же самого этапа, будущее «размыто», неопределенно, наполнено социокультурными рисками, симулятивно, фрагментировано, сформировано из акторов, основными поведенческими стратегиями которых является символическое потребление, толерантность, граничащая с аномией, поведенческая деструктивность и апатия.

Можно представить своеобразного «Тяни-Толка» – структуры, где одновременно сосуществуют два противоположных социетальных состояния, в которых, согласно ритцеровскому подходу, сочетаются черты общества, управляемого изнутри (управление поведением индивидов диктуется личностными ценностями), и общества, управляемого извне (управление поведением индивида осуществляется в зависимости от мнения «значимых других»). В контексте информационного или постиндустриального общества на первом плане – обработка и передача знаний, и здесь они – аналог информации. В постмодернистском контексте доминируют аспекты применения и толкования знаний, но в условиях «мягкого» разделения информации и знания.

Ближе к сегодняшнему дню и та, и другая концепции по многим основаниям отвергнуты их сторонниками. «Ускользающий мир» Э. Гидденса и «текущая современность» З. Баумана, «конец истории» Ф. Фукуямы стали новым лейтмотивом осмысления первого и второго модерна. Но «знание» по-прежнему остается «метафорой технического прогресса и новых способов коммуникации в различных социальных областях, не отражая перспективные социальные и культурные последствия этой односторонности» [4, p.10].

Неизменной оказывается острота и значимость для современного общества утверждения Д. Белла, сформулированного более 50 лет назад, о востребованности [5]:

1) теоретических знаний («осевого принципа») на всех социальных и институциональных уровнях, благодаря присутствию которых ученым отвергается идея пост-капитализма, основанного на труде и капитале;

2) применения технологии, основанной на знаниях, в процессе принятия политических решений и в сфере государственной службы;

3) нового профессионального класса, специализирующегося на технологиях, основанных на знаниях.

Согласимся с Б. Крейнгс, считающей, что для Д. Белла собственно конструкты знания и информации предопределяют специфику постиндустриального общества, сегодня позиционируемого и как общество второго модерна, и как общество знания. В отличие от белловской позиции, Н. Штер в своей концепции общества, основанного на знаниях, обращает внимание на «способность к социальному действию», «на содержании знания», отражающегося на представлениях индивидов, «в новых СМИ, на солидарности и социальной власти» [4, p.11]. В связи с этим ученый прогнозирует при «повышении проникновения знаний во все сферы общества» «огромную потребность» в квалифицированных профессионалах – экспертах.

Утверждение Б. Крейнгс несколько противоречит оценке Н.А. Малинкиным сущности подхода Н. Штера как технологически детерминированного [6]. Но исследователь обратила внимание на другую важную деталь: Н. Штер констатирует, что развитие знания связано не только с его ролью источника социальной солидарности, но и «основы для социального неравенства, социальных конфликтов». Сходство же его подхода с теоретическим подходом Д. Белла заключается в отсутствии анализа причин социальных изменений при констатации их обязательного проявления в обществе знаний.

Отметим, что у Б. Крейнгс поддерживается наше утверждение о полулегитимном существовании в науке понятия общество знания. «Несмотря на длительный исторический спор о важности знаний для развития современного общества, не существует последовательной теории об обществе, основанном на знаниях. Ни в социологии, ни в области экономики или науки управления мы не можем найти завершенные теоретическую и эмпирическую концепции общества, основанного на знаниях» [4, p.12].

Действительно, во многих источниках, которые можно считать программными для мирового сообщества, мы видим под общим термином «знание» своего рода смесь из констатации роста объема информации, отраженной на материальных носителях, увеличения количества проводников и интерпретаторов знания, специфической ресурсности знания, которое может воспроизводиться бесконечно, так как неисчерпаемо. Так, Б. Крейнгс приводит выдержки из документов ООН и Федерального министерства Германии по образованию и науке [4, p.12]: «Общество знания придет. Не важно, хотите вы этого или нет», «каждые пять лет глобальные знания удваиваются, но фактически сохраняется только половина из них, поэтому они ценны. Каждый день появляется 20000 публикаций по всему миру, и, на самом деле, в мире никогда не было такого большого количества ученых, работающих с новыми знаниями. Знания можно рассмат-

ривать как ресурсы, которые могут воспроизводиться бесконечно».

Считаем, что знания, представленные на материальных носителях, перестают быть знанием-действием, так как уже отчуждены от личности собственника. Они становятся информацией или воплощенным, формализованным «прошлым знанием». Эта информация может быть востребована или нет – отсюда демократичность ее потребления. Информация имеет ценность только применительно к перспективе использования в процессе реализации знания-действия собственниками, интерпретаторами и проводниками знания, количество которых, действительно, растет. И, безусловно, знания как ресурс, непосредственно связанный со своим носителем – собственником, неисчерпаемы, так как процесс непрерывной трансформации знания в информацию с развитием науки и повышением профессионализма личностей бесконечен.

Эта последовательность как бы ускользает от внимания исследователей и информационного общества, и общества знания. Правда, у М. Кастельса, несмотря на ярко выраженный технологический детерминизм, источником сохранения гармонии в безличном мире WorldWideWeb обозначена культура [7, с. 238-242].

Б. Крейнс обращает внимание на то, что ведущей темой дискуссий, связанных с обществом знания, сегодня становится тема о новых способах производства (Produktionsweise) [4, p.13-15]. Представляется, что по многим позициям они связаны со стремлением выдавать желаемое за действительное. Так, мы принимаем обобщения Б. Крейнса, связанные с артикуляцией потребности более тщательного социологического анализа оптимистичных утверждений о развитии, например, мировой торговли. Действительно, структура мировой торговли практически не изменилась на фоне повышения ее интенсивности, а для многих стран возможность интеграции в мировой рынок еще и ухудшилась в связи с транснациональной политической ведущей игрой. На это обращает внимание Э.С. Райнерт (Erik Steinfeldt Reinert) [8].

Анализируя концепты ученого, мы можем увидеть, что сегодня при осмыслении знания как канонического капитала и одного из ключевых факторов производства недостаточно актуализирован своеобразный цикл смены знания на невежество – его антипода. Э.С. Райнерт указывает на это, используя высказывание П. Кругмана по поводу зависимости парадигм экономической теории, не оправдавшихся в долговременной практике, с социальными потрясениями: «За расцветом этих теорий в 1760, 1840-е годы и сейчас неизменно следовали крупные общественные проблемы и даже революции, которые прекращались, когда научное сообщество вновь захватывали менее

абстрактные и более практичные теории, позволяя исправить причиненное зло». Далее ученый констатирует: «Американский экономист Пол Кругман был прав, когда утверждал, что в определенные исторические периоды все прежние знания забываются, и в мире воцаряется невежество» [8, с. 33].

Таким образом, если знание в экономической теории может рассматриваться как ресурс, то в рамках социологической парадигмы – это источник интерпретации жизненного мира, проектирования в социально-экономической политике, способный дестабилизировать социум. Последнее происходит при очевидной абстрактности многих экономических и социологических концептов, невежества тех, кто на них опирается, в навыках адаптации абстракций к реальной жизни социума. Здесь невежество – в отказе признать востребованность нового знания и начать системные изменения.

Э.С. Райнерт говорит и о результатах адекватного подхода к знаниям, способствовавшего расцвету современных развитых стран: «Богатые страны разбогатели благодаря тому, что десятилетиями, а иногда и веками их правительства и правящая элита основывали, субсидировали и защищали динамичные отрасли промышленности и услуг. Все они эмулировали наиболее процветающие страны своего времени, развивая производственные структуры в тех областях, где был сконцентрирован технологический прогресс. Таким образом, они создавали ренту (прибыль, превышающую нормальный уровень дохода), которая распространялась на капиталистов в форме более высоких прибылей, на рабочих в форме более высоких зарплат и на правительство в форме больших налоговых поступлений» [8, с.29-20].

Итогом такого адекватного подхода стала и рабочая стратегия, которую мы можем определить как стратегию отчуждения знаний, включенную в традиционную и современную формы колониальной политики. «По сути своей колониализм – это система, которая стремится не допустить развития» в колониях указанных выше эффектов, которые касаются, прежде всего, возможности эмулирования – имитации успешного опыта других общностей, чтобы «сравняться или превзойти» [8, с. 24].

Современными колониями стали «бедные страны», специализирующиеся на видах деятельности, «для которых типична хотя бы одна из следующих черт:

- во-первых, скорее убывающая, чем возрастающая отдача;
- во-вторых, они лишены потенциала по накоплению знаний и технического опыта;
- в-третьих, плоды этого накопления, вместо того, чтобы приводить к богатству самой страны, при-

водят к снижению цен на ее продукцию для покупателей из богатых стран» [8, с. 30].

Вывод Э.С. Райнерта из этих рассуждений противоречит активно артикулируемой сегодня сущности развития. Ученый постулирует: «То, что мы называем развитием, является рентой, основанной на знании и технологиях, и эту ренту зачастую подкрепляет, а не наоборот, свободная торговля между странами, стоящими на разных уровнях развития. Из этого следует, что одни страны специализируются на богатстве, а другие в соответствии со своим сравнительным преимуществом – на бедности [8, с. 30].

Мы видим здесь знание – источник ренты, получаемой государствами, для обеспечения не только собственного развития, но и доминирования над странами, «специализирующимися на бедности» – новыми колониями. Они не обладают потенциалом по «накоплению знаний и технического опыта», поэтому ни свободная торговля, признанная в современной экономической теории ведущим фактором процветания, ни финансовая донорская поддержка не исправят ничего в их позиционировании на мировой арене. В связи с этим чрезвычайно востребован социологический анализ практик повседневности в ракурсе инноваций как в осмыслении знания, так и методологии его отчуждения.

Так, из рассуждений Э. С. Райнерта о причинах прогресса Европы в XVII в. можно попытаться вывести подтверждение нашим предположениям о том, что знание – организатор системы ориентаций действий и мотивации. Ученый перечисляет причины европейского прогресса. К ним отнесены факторы, которые мы могли бы назвать объективными факторами макроуровня: «географическое местонахождение ее источников энергии (угля), наличие в колониях пищи, древесины и рынков» [8, с. 45-46]. Но особо хотелось бы выделить то, что можно определить как знаниевые факторы: «жестокость, религиозный фанатизм, организаторские способности, институциональная изобретательность (например, разработка метода двойной бухгалтерии) и интеллектуальное любопытство».

Все они соотносятся с типологией социальных действий М. Вебера: целерациональные (организаторская деятельность, институциональная изобретательность), ценностно-рациональные (религиозный фанатизм), аффективные (жестокость), традиционные (интеллектуальное любопытство – установки на креативный подход к ценности знания).

Представляя выводы Э.С. Райнерта, можно воспользоваться еще одним из множества примеров «знаниевого» прогресса. Знания «совершили» индустриальный переворот в Ирландии, «прежде известной лишь зелеными лугами и дублинским пивом». «Кельтское экономическое чудо» 80-х гг. XX в. нача-

лось не с перераспределения инвестиций, а с активной индустриальной политики, основой которой было «поощрение технического образования и науки и привлечение высококвалифицированных ирландских эмигрантов, некогда покинувших родной остров из-за хронической безработицы. Это совсем не походило на шоковую терапию». Созданный в стране инновационный технологический сектор по эффекту синергии вызвал рост технической вооруженности сельского хозяйства и реальных заработных плат.

Технологические инновации отразились на положении продавцов товаров и услуг, что также имеет отношение к способу производства. Уменьшается время на разработку инноваций, повышается востребованность сетевого, гибкого, многовариантного и, в то же время, жестко дисциплинарного управления технологичностью производственного процесса. Выиграли от этого транснациональные кампании, которые достаточно просто приняли новые правила рыночной игры. Эти правила связаны с огромным ростом затрат на информационное обеспечение и рекламную, маркетинговую деятельность. Так, Б. Крейнс приводит данные по автомобильной промышленности, где 18-20% стоимости автомобиля среднего класса включают расходы на маркетинг. Исследователь отмечает, что уже в 80-е гг. XX в. только 20000 человек из 400000 работающих были связаны непосредственно с производственным сектором. Сегодня доля расходов на «исследования и разработку, маркетинг, дизайн и другие услуги, ориентированные на продукт, часто намного выше, чем реальная стоимость материала изделия» [4, p. 14-15].

Получается, что «символические» ценности, к которым можно отнести исследования, управление продвижением товара, оказываются намного выше, чем стоимость «материала» основного продукта. Поэтому прав Р.Б. Райх (Robert B. Reich), который говорит о появлении целого класса «символических рабочих», которые «упрощают реальность до абстрактных изображений; их можно переставлять, ими можно жонглировать, с ними можно экспериментировать, передавать другим специалистам, а затем трансформировать обратно в реальность» [4, p.14].

Более 20 лет назад ученый констатировал, что эмпирически «символическая» работа создала «видимый спектр деятельности, основанной на знаниях». Представим авторскую интерпретацию составляющих этого спектра концепта Р.Б. Райха:

1) знание производства (исследования и разработка, инновации в рыночной продукции; трансформация неявного знания – в явное; носители – собственники и проводники знания);

2) ориентация на знания (администрирование, управление, организация; трансформация неявно-

го знания в формальные регламенты и явное знание; носители – собственники, интерпретаторы и проводники);

3) ориентация знаний (консалтинг, управление, координация; трансформация явного знания в неявное, носители – собственники, интерпретаторы и проводники).

В ракурсе нашего подхода сегодня в этом перечне ничего не стоит менять. Другой вопрос – было ли то общество, применительно к которому Р.Б. Райх составил свой перечень, уже обществом знания. Дело в том, что К. Маркс, как известно, также говорил об абстрактном характере промышленного труда. Сегодня речь идет о расширении абстрактности до продуктоориентированных (productoriented) услуг и, в целом, – сектора услуг и касается, как отмечает Б. Крейнгс, деятельности не «синих», а «белых воротников». Но суть от этого, как нам представляется, не меняется. По-прежнему в обществе присутствует почти платоновская дифференциация на «умных», управляющих «сильными и умелыми», по-прежнему интериоризация ценности знания предопределяет поведенческие стратегии собственников знания, а социальное распределение знания конкретизирует фреймы личностей и общностей. На социетальном уровне меняется только «площадь охвата» субъектов, задействованных в процессе реализации новых, более новых и суперновых технологий. В связи с этим, если в прошлую эпоху К. Маркс исследовал проблематику деятельности «синих воротников», то в новых условиях предстоит анализ и «синих», и «белых».

Еще один вопрос связан с тем, что, благодаря технологизации, расширяется и сфера «пустого пространства» для личного и общественного выбора. На уровне социологии организаций здесь обсуждается проблема склонности одних и отказа других участвовать в процессе трансформации скрытого (неявного) знания в явное и явного в скрытое. Значимость этого процесса для стабильности и конкурентоспособности организаций сегодня неизмеримо возросла. Как справедливо отмечают исследователи [4, р. 15-16], ни сетевые возможности управления организаций «на расстоянии», «ни более высокий уровень кодификации знаний и значимости планирования, ни более интенсивное использование технологии не могут заменить скрытые формы знания в свете возрастающей сложности работы в критических ситуациях».

В противовес этому утверждению в философском дискурсе известная по Ф.М. Достоевскому дихотомия «Человеко – Бог или Бого – Человек» трансформируется в артикуляцию тезисов гуманологии [9]. Так, М.Н. Эпштейн утверждает, что «судьба человека в начале XXI в. все чаще рассматривается под знаком его исторического конца и вступления в эпоху постгу-

манизма». Эта эпоха «выросла» из внеакадемического «движения трансгуманизма», возникшего в 90-е гг. XX в. в США. Его основная идея связана с завершением «медленной эволюции разума в форме человека как биологического вида» и началом нового этапа «ускоренной эволюции разума в виде информационно-кибернетических систем» [9, с. 91]. Футурологический прогноз трансгуманистов на середину XXI в. связан с ситуацией, когда «созданные человеческим интеллектом механизмы и компьютерные системы выйдут на передний край эволюции разума и поведут за собой все более отстающих (а иногда и упирающихся)» индивидов.

«Постепенно и современный человек будет передвигаться в область экологического внимания и заботы, поскольку «современность» будет все более осознаваться как техносреда, из которой человеческая телесность и индивидуальность выпадают «в осадок», как рудимент давней стадии развития разума – «полудикой», промежуточной между природой и культурой, полустественной, полуискусственной» [9, с. 100].

По мнению М.Н.Эпштейна, новая телесность человека будет проявляться – и уже проявляется, например, в отказе от невербальных коммуникаций в виде написания «от руки» документов. «Недаром появляется даже такой термин: «мокрая подпись» (wet signature), т.е. традиционная чернильная подпись, в отличие от просто подписи (без эпитета), под которой уже понимается электронная, цифровая идентификация» [9, с. 100]. Возможно, расширяющийся, благодаря сетям, киберразум, способный к самомодификации и покорению человека, и освободит его от «устаревшего способа коммуникации», – «проявления тактильно – жестиккулярных свойств, рецидива и рудимента человеческого в постчеловеческой цивилизации». Однако, гуманологи обходят стороной вопрос о том, что только человек может владеть знанием, а киберразум – способен лишь к высокоскоростному «перебору» известных и заданных знающей личностью информационных конструкторов. Рефлексивность, креативность – пока еще свойство человеческого разума. И, как указывал К. Дьюрре, социолога не интересует, когда наступит конец света [10]. Сфера его интересов связана с исследованием рисков и причин наступления этого конца.

В связи с этим в зарубежной исследовательской традиции для нас значим постулат У. Мелоди (William H. Melody) [11, p.28] о том, что люди всегда жили в обществе знания. Появление письменности, телеграфа, телефона, новых информационных технологий – всего лишь технология, а изменение в информационных потоках – всего лишь изменения в объеме информации [11].

Здесь мы видим созвучие и, одновременно, противоречие с мыслями Н. Штера [12]. Ученый

также утверждал, люди всегда жили в обществе знания. Но при этом А.Н. Малинкин справедливо указывает: «действительно, древнеизраильское и древнеегипетское общества можно рассматривать как ранние формы обществ знания, поскольку они были структурированы на основе знания Торы и, соответственно, астрономического и агрономического знания». Однако, Н. Штер «имеет в виду только научно-технологическое знание. При этом игнорируется тот факт, что не научное знание, а именно традиционное, мифическое и религиозное конституировали социальную жизнь людей на протяжении тысячелетий во всех культурах» [6].

Представленный пример еще раз свидетельствует о разнообразии и противоречивости не только в научных концептах, но и в технологии их применения для оценки процессов, реально протекающих в обществе. Так, П. Престон (Paschal Preston) [13, p. 232-233] считает, что от «глянцевой поверхности» терминов «информационное общество», «экономика знаний», «технологизация общества», «технокультура» и сопровождающего их научного дискурса мы ждем «просветления» о характере, направлениях и причинах социальных изменений, «не говоря уже о потенциальных альтернативных путях будущего развития». Но, как правило, эти ожидания разочаровывают.

«Мы противостоям глубоко серым и скучным кластерам хаотических концепций, линейной концептуализации и некоторым чрезвычайным экстраполяциям (спекуляциям), которые используются для определения роли и значения технологии или информации в социальных изменениях». Пока ученые «приветствовали пьянящий коктейль из спекулятивных «dreamware» (дословно – фантастических продуктов – Т.Ф.) на основе техно-ориентированного анализа кластеров технологических инноваций» или находили «идеализированную концептуализацию из отличительных черт информации как ресурса или продукта», структурировался прямо противоположный результат.

Осмысление реальных социальных процессов было замещено статистической информацией. В результате не актуальные риски социальных взаимодействий, а новые ИКТ рассматриваются как некий универсальный «волшебный множитель» или «инструмент для управления социально-экономическим развитием», а также «становятся ключевым показателем развития общества» [13, p. 232-233].

Как видим, сегодня можно повторить вопрос Т. Адорно, на который мы сослались ранее, но применительно к перечню, включившему не только общество знания, и общество НЕ-знания.

Не случайно рассуждения об обществе НЕ-знания П. Престон (Paschal Preston) начинает с предостережения Г.А. Инниса о том, что технологизация

и механизация знания могут угрожать свободе мысли и несут опасность науке («The conditions of freedom of thought are in danger of being destroyed by science, technology, and the mechanisation of knowledge») [13, p. 231-238]. Мы видим констатацию факта: при девальвации научного понимания происходящего в социальной практике избираются ложные ориентиры оценок его состояния, сопровождаемые одновременным усилением информационного давления. Все это детерминировано отказом лиц, принимающих решения, признать востребованность нового знания и начать системные изменения. То есть, тем, что мы определили как невежество.

П. Престон подчеркивает: «Эти дискурсы составляют частное проявление информационной перегрузки: количественный взрыв данных, но уменьшение уровня понимания того, что на самом деле происходит» [13, p. 234]. В результате, по Ж. Бодрийяру, «мы теряемся в пустоте информации», так как имеем ее большой объем, но НЕ-знающее общество. Дело в том, что преобладающая ортодоксия, которая декларирует знание вопросов социального развития и внешне учитывает последствия технологических и связанных с информацией тенденций, по сути своей на самом деле является «провалом политического воображения, смешением целей и средств социального развития и консервативной политики» [13, p. 236-237].

Этому способствует, прежде всего, «нигилистический язык» постмодернистской теории, с помощью которого оправдываются дистанцирование социальной политики от реальной жизни и общие «нереальные ценности», которые лежат в основе происходящих событий.

Не прекращающиеся попытки осмыслить актуальные события опираются либо на «наивный оптимизм», либо на «апокалипсический пессимизм». Но эти парадигмы не становятся интеллектуальным ресурсом для «вызова ортодоксии или осуществления радикального сдвига в направлении надежного стратегического видения «хорошего общества»» [13, p. 238].

П. Престон утверждает, что процесс борьбы за «справедливое и хорошее общество» может опираться только на знание. Ученый высказывает надежду на то, что «мы еще не полностью потеряны в пустоте информации», хотя и «заперты в железную клетку логики, детерминированной технологией». Именно знание и имеющиеся «богатые источники интеллектуальных ресурсов» обеспечат альтернативу преобладающей ортодоксии, социальную сплоченность, гарантированность реализации жизненных проектов. Но это, как всегда, остается «вопросом» реального тандема социальной политики и практики. В то же время, мы видим, что, традиционно присутствующее в динамике социума, общество знания оказывается в услови-

ях жесткого противостояния сущности общества и знания. Это позволяет высказать гипотезу о том, что сегодня мы можем говорить об обществе антагонистического знания. К его детальному описанию мы намерены обратиться в последующих публикациях.

Литература:

1. Алексеева И.Ю. Общество знаний: посткапиталистическая перспектива России // Информационное общество. 2011. Вып.2. С.9-17.
2. Соломатина Е.О. «Общество знания» как эвристический концепт новой фазы развития постиндустриального общества // Социология власти. 2011. №3. С. 61-67.
3. Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. М.: Прогресс, 1966. 462 с.
4. Krings B. The sociological perspective on the knowledge-based society: assumptions, facts and visions // Enterprise and Work Innovation Studies (IET, Monte de Caparica, Portugal). 2006. No. 2. Pp. 9-19.
5. Bell, D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. New York, USA: Collier Books; Second, Revised Edition (1962). 2000. 474 p.
6. Малинкин Н.А. Социология знания и современное «общество знания» // Социологические исследования. 2002. №2. С.36-39.
7. Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, изд-во У-Фактория. 2004. 324 с.
8. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными; пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд-дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 384 с.
9. Эпштейн М.Н. Творческое исчезновение человека. Введение в гуманитаристику // Философские науки. 2009. №2. С.91-106.
10. Dörre K. Reflexive Modernisierung – eine Übergangstheorie. Zum analytischen Potenzial einer populären soziologischen Zeitdiagnose // SOFI-Mitteilungen. 2003. Nr. 30. S.55-67.
11. Melody W. H. Communication Policy in the Global Information Economy: Whither the Public Interest? // Public Communication: The New Imperatives. (Ed) M. Ferguson. London: Sage, 1990. Pp. 16-30.
12. Штерн Н. Мир из знания // Социологические исследования. 2002. №2. С.31-35.
13. Preston P. Knowledge or «Know-less» Societies? // Networking Knowledge for Information

Societies: Institutions & Intervention. Edited by Robin Mansell, Rohan Samarajiva, and Amy Mahan. The Netherlands: Delft University Press. 2002. 405 p.

References:

1. Alekseeva I. Y. Knowledge Society: Post-Capitalist perspective of Russia // Information Society. 2011. Issue 2. P.9-17.
2. Solomatina E.O. «Knowledge societies» as a heuristic concept of a new phase of post-industrial society // Sociology of power. 2011. № 3. S. 61-67.
3. Machlup F. The production and dissemination of knowledge in the U.S. Moscow: Progress, 1966. 462 p.
4. Krings B. The sociological perspective on the knowledge-based society: assumptions, facts and visions // Enterprise and Work Innovation Studies (IET, Monte de Caparica, Portugal). 2006. No. 2. Pp. 9-19.
5. Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. New York, USA: Collier Books; Second, Revised Edition (1962). 2000. 474 p.
6. Malinkin N.A. The sociology of knowledge and the modern «knowledge society» // Sociological Studies. 2002. № 2. P. 36-39.
7. Castells M. Galaxy Internet. Reflections on the Internet, business and society. Ekaterinburg: Izd Humanities University Publishing House U-Factor, 2004. 324 p.
8. Reinert E.S. As rich countries get rich and why poor countries remain poor; from English. N. Avtonomova; under red. V. Avtonomova; State. Univ – Graduate School of Economics. Moscow: State Izd.dom. Univ – Higher School of Economics, 2011. 384 p.
9. Epstein M.N. The creative person disappear. Introduction to Humanology // Philosophy. 2009. № 2. P. 91-106.
10. Dörre K. Reflexive Modernisierung – eine Übergangstheorie. Zum analytischen Potenzial einer populären soziologischen Zeitdiagnose // SOFI-Mitteilungen. 2003. Nr. 30. S. 55-67.
11. Melody W. H. Communication Policy in the Global Information Economy: Whither the Public Interest? // Public Communication: The New Imperatives. (Ed) M. Ferguson. London: Sage, 1990. Pp. 16-30.
12. Stehr N. The world of knowledge // Sociological Studies. 2002. № 2. P. 31-35.
13. Preston P. Knowledge or «Know-less» Societies? // Networking Knowledge for Information Societies: Institutions & Intervention. Edited by Robin Mansell, Rohan Samarajiva, and Amy Mahan. The Netherlands: Delft University Press. 2002. 405 p.